

СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В КНР

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается развитие китайской литературы в эпоху реформ, анализируются новые литературные течения. Автор показывает, что в современной китайской литературе прослеживается отражение всех социальных процессов, которые происходят в китайском обществе после 1978 г., а также выявляет регулирующую роль КПК по выделению «приоритетных» художественно-литературных направлений. Дается оценка процессам, связанным с переориентацией литературы в сторону рынка и открытостью внешнему миру, что привело к их частичной деполитизации.

Ключевые слова: «литература шрамов»; «литература поиска корней»; «литература реформ»; культурный рынок; коммерциализация; КПК.

Развитие литературы в период реформ и открытости определялось, прежде всего, культурной политикой КПК. В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. тема «культурной революции» была лейтмотивом творчества многих китайских писателей. Литература, получившая название «литература шрамов», описывала ужасы и страдания во время «десятилетних бедствий» и резко обличала маоизм. Примерами таких произведений являются рассказы Лу Синьхуа «Шрам», повести Лю Синью «Жезл счастья», Шэнь Жуна «Средний возраст», Фэн Цзица «Крик» и т.д. Вместе с тем печать уже тогда положительно оценивала тех писателей, которые в своих произведениях стали уделять больше внимания сохранению национальной специфики. Их противопоставляли авторам, начавшим подражать «западным модернистам». Для того чтобы красочней изображать новую атмосферу в стране, им рекомендовали творчески использовать десятилетиями пропагандируемый лозунг «ставить иностранное на службу Китаю, ставить древнее на службу современности».

Эта тема звучит в романе Мо Инфэна «Песня о генерале» (1980 г.). Роман описывает разные судьбы трех генералов, которые оказались по разные стороны баррикад во время «культурной революции». Главный герой – командир соединения военно-воздушных сил, выступив против «банды четырех», попал в тюрьму, потерял семью, но остался верен идеалам революции. Противостоять сторонникам «четверки» ему помогает его друг детства, политкомиссар, который так и не решился в открытую отстаивать справедливость. Роман получил премию Мао Дуня. Автор романа «В долине лотосов» Гу Хуа описывает китайскую деревню 50–70-х гг. XX в. Сюжет разворачивается вокруг героини, которая вела мелкую торговлю на рынке, смогла заработать деньги на новый дом, за что была зачислена в «новые кулаки» и разорена. Ее муж покончил жизнь самоубийством. Но справедливость восторжествовала: по окончании «культурной революции» ее реабилитировали, а виновных наказали.

К середине 80-х гг. многие прогрессивные литераторы старались не просто реалистично описать ужасы недавнего прошлого, а проанализировать явления, сохранившиеся в китайском обществе, которые мешали движению страны вперед. В это время наблюдался

расцвет художественной публицистики. Этот новый для китайской литературы жанр вызывал большой интерес у читателей, т.к. впервые за долгие десятилетия писателям была предоставлена возможность затрагивать недоступные им ранее темы, говорить правду о тех проблемах, которые они наблюдали в современном Китае. Среди публицистов ярким представителем был писатель Лю Биньянь. В своих очерках он стремился не только описать сложные процессы, которые протекали в стране, но и найти причины, тормозящие ее «здоровое» развитие. Причины эти он видел в коррупции административных и партийных должностных лиц, пришедших к власти в годы «культурной революции». Именно они, по мнению Лю Биньяня, все еще противятся новому курсу, направленному на улучшение жизни народа, и препятствуют созданию благоприятной среды для проведения модернизации в Китае [1. С. 353]. В документальной повести «Люди и оборотни» («Жэньяо чжицзянь»), в очерке «Вечные заслуги, вечные грехи» (в соавторстве с Юй Итаем) и других произведениях автор ярко проиллюстрировал, что все еще сильны установки и лозунги «культурной революции», которые помогают некоторым кадровым работникам, творить беззаконие и самоуправство.

Со временем направление «литература шрамов» сменилось новым – «литературой размышлений». Это свидетельствовало о том, что китайское общество постепенно приходило к более спокойному осмыслению своего прошлого. Авторы стремились к описанию исторических процессов в стране, к отражению жизни реального человека и его судьбы. Ярким примером «литературы размышлений» являются произведения Ван Мэна. С ходом преобразований в китайском обществе «обличительный энтузиазм» перестал соответствовать текущим идеологическим нуждам. К середине 1980-х гг. в литературе критика «культурной революции» утратила свою остроту, а на первый план вышли пропаганда «четырех модернизаций» и создание нового образа социалистического человека периода реформ. Это, например, роман Чжан Ци «Реформатор», («Гайгэчжэ», 1983 г.), повесть Цзян Цзылуна «Симфония кухонной посуды» и т.д.

В литературе проблема «абстрактного», или «буржуазного», гуманизма стала подниматься еще в начале

1980-х гг. Он противопоставлялся социалистическому, революционному гуманизму. В центре критики оказались повесть Чжан Сяотяня «Зелена трава в степи» и роман Дай Хоуин «О человек, человек» (1981). Им поставили в вину утверждение, что общечеловеческие ценности, а не классовая и революционная борьба становятся оружием, способным победить врагов и двигать социальный прогресс, а также пропаганду «буржуазного гуманизма и индивидуализма» [2].

В середине 1980-х гг. стала набирать популярность так называемая «литература поиска корней», в которой слово «корни» (*бэнь*) символизировало национальные культурные традиции. Основными представителями данного течения считаются Дэн Юмэй, Ван Цзеэнци, Чжан Чженчжи, А Чэн, Чжэн И. Авторы активно использовали народные легенды и предания, чтобы через такую литературу продемонстрировать особенности традиционных представления китайцев о добре, о красоте, передать их вечную ценность. Или восхваляли «первобытную жизненную силу», которая помогает выживать в суровых природных условиях. Другой характерной чертой литературы этого периода были обвинения, предъявляемые к «Движению 4 мая» 1919 г., якобы прервавшему культурную традицию. В своих произведениях многие писатели идеализировали патриархальный уклад жизни и архаичные нравы, которые еще сохранились в глубинных и окраинных районах Китая. Критики же указывали молодым писателям на то, что культурная традиция неоднородна, она неразрывно связана с пережитками феодализма. Им напоминали, что «культурная революция» тоже была порождением деспотичной и аскетичной феодальной культуры. Поэтому молодым авторам рекомендовалось базироваться не только на национальной специфике, но и на культурных реалиях других стран [3].

К концу 1980-х гг. на смену «литературе поиска корней» пришло течение «новой деревенской прозы», особенностью которого был насыщенный местный колорит, описание персонажей – деревенских жителей – через особенности их культурного и психологического склада. Темой произведений этого направления были демонстрация разницы между бурным развитием города и отсталостью деревни, взаимоотношения между культурной традицией и новыми явлениями современного развития Китая. Анализируя тенденции развития «литературы нового периода» за первое десятилетие (1976–1986 гг.), глава Института литературы АОН Китая Лю Цзайфу выделил следующие ее особенности. Во-первых, «современный реализм» в китайской литературе уже не было «закрытой системы» и теперь включал в себя «мистический», психологический и структурный реализм, что отражало одновременное развитие реализма с иными, нереалистическими творческими методами [4. С. 205]. Во-вторых, писатели уже не составляли некую «общность», а старались находить собственную манеру письма, создавать свой стиль и раскрывать индивидуальность. Третьей особенностью являлось снижение роли исторического фона, соотносительности героев с тем или иным классом. В-четвертых, стали наблюдаться явления лексической и синтаксической трансформации в языковой структуре произведений, на основе чего «может возникнуть жизнедеятель-

ная современная языковая система, соответствующая духу новой эпохи». В-пятых, литература этого периода связана со становлением идеи социалистического гуманизма, которая отвечает и интересам развития китайского общества, и потребностям развития литературы, но этот процесс необходимо «защищать от неправильных интерпретаций и нападок» [4. С. 205]. Во многом на такое развитие литературы повлияло выступление Ху Цили на IV съезде Союза китайских писателей (СКП) 29 декабря 1984 г., в котором писателям была дана «небывалая свобода» действий [5].

На протяжении долгого периода «литература о реформах» считалась главной темой творчества китайских писателей, при этом акцент делался на практическом воздействии таких произведений. Например, литературовед Чжу Вэньхуа считал подобную литературу «идеологическим материалом» для руководителей страны, на основе которого они могут вырабатывать новые установки. По его мнению, многие произведения помогали понять, «как ныне действующая экономическая система препятствует развитию производительных сил, как существующая кадровая система не способствует выявлению и использованию талантливых людей, как нынешняя финансовая система сковывает хозяйственную работу, как неправильный стиль работы партии вредит и мешает четырем модернизациям» [4. С. 249].

Несмотря на появление произведений о достигнутых успехах и положительном опыте реформ в городе и в деревне (У Миньминь «Городские размышления», Мэн Сяюнь «Иная жизнь»), большинство авторов обходились «агитацией» за реформы или отражали субъективную реакцию героев на процесс преобразований. Выше оценивались произведения тех авторов, в которых исследовались метаморфозы, происходившие в национальной психологии и традиционном мировоззрении в связи с практикой осуществления реформ, которые в какой-то мере тормозили их независимо от воли человека. Чтобы передать изменения, происходившие в образе мыслей людей, писатели старались уловить связи между прошлым и настоящим. Появлялись произведения, охватывающие долгий временной промежуток – несколько десятков лет, именно для того, чтобы проследить, как социально-психологическая атмосфера, сложившаяся в Китае в период недавних исторических катаклизмов, отразилась на характере и психологии человека.

Примером таких произведений может служить роман известного писателя Ван Мэна «Подвижные фигуры». Описываемые события происходят в годы японской оккупации. Замысел автора был в том, чтобы попытаться выявить корни исторических событий. Он видел их, прежде всего, в феодальной системе ценностей и бессилии прослойки интеллигенции, тяготеющей к западной культуре. В центре сюжета одна пекинская семья, которая замкнута в собственном мире и живет своими мелкими заботами и личными страстями. Члены ее полностью безразличны по отношению к внешнему миру, не имеют четких убеждений и не способны на самостоятельные поступки. Они полностью зависимы от воздействующих на них внешних сил.

Таким образом, перед китайской литературой была поставлена новая задача объективного исследования национальной психологии китайской нации. Развернулась дискуссия о том, каким образом сформированная тысячелетиями национальная китайская психология (также употреблялся термин «культурпсихология») влияла на новые для китайского общества процессы, вызванные модернизацией и реформами. Для одних авторов некоторые черты национальной психологии являлись причиной медленного продвижения реформ, другие же считали, что при умелом использовании они являются положительным фактором. Молодые писатели порой неумело и неуверенно пытались в своих произведениях рассуждать о природе человеческой психики, о проблемах внутренней жизни личности и межличностных отношений. Постепенно на смену тусклым произведениям в стиле социалистического реализма пришли произведения, в которых описывалась внутренняя борьба между чувством и долгом, фантазией и реальностью; о духовных исканиях людей, которые на себе испытали разрушительное воздействие недавних политических катаклизмов.

Среди этих авторов выделялся тогда еще молодой писатель Мо Янь. В его произведениях народные верования смешивались с исторической реальностью, они насыщены необычными, яркими образами. Он умело расширял границы «реализма» и «историзма». По мнению Говарда Гольдблатта, за последнее время ни один китайский писатель не внес большего вклада в представление о месте Китая в истории или в переоценку китайского общества в прошлом и настоящем, чем Мо Янь [6].

В 1986 г. в третьем номере журнала «Народная литература» была опубликована повесть Мо Яня «Красный гаолян» («Хунгаолян цзяцзу»), которая стала «прорывом» в китайской литературе 1980-х гг. Сюжет раскручивался вокруг девушки Цзюцзи, которую выдали замуж за богатого старика – хозяина винокурни. Она влюбляется в носильщика паланкина Юй Чжаньбао. Больного проказой старика убивают, и винокурня переходит к Цзюцзи и Юю. Но уклад их деревни нарушается вторжением японцев. Защищая свое гаоляновое поле, Юй и Цзюцзи, как и все жители деревни, погибают, остается в живых лишь их 9-летний сын. Хотя «Красный гаолян» отвечал настроениям китайского общества, в котором зарождалось новое мышление, для которого стало характерным стремление к свободе и демократии, он вызывал недовольство «консерваторов», находившихся у власти.

Рассматривая развитие литературы во второй половине 80-х гг., следует отметить, что достаточно либеральный подход китайских властей к вопросам печати выразился в появлении большого количества новых изданий и частных книжных и журнальных киосков. Теперь книжным издательствам и магазинам не надо было следовать установкам Отдела пропаганды ЦК КПК, определявшего принципы содержания литературных произведений. В результате полной неразберихи в вопросах идеологии, сложившейся в 80-х гг., и отсутствия четких принципов, определяющих содержание печатной продукции, книжные издания получили беспрецедентную свободу. К сожалению, большую

часть китайской литературы составляли издания, печатавшие низкопробные любовные, приключенческие и криминальные истории, рассчитанные на людей с неразвитым эстетическим вкусом. Хотя содержание этих произведений мало способствовало строительству «социализма с китайской спецификой», однако смогло в 1986 г. принести китайской печатной индустрии 300 млн юаней чистой прибыли [7. С. 108].

Ситуация требовала принятия срочных мер. В 1987 г., чтобы противостоять развитию низкопробной продукции, а также нежелательным формам художественного творчества, ЦК КПК издал директивный документ, на основании которого Главное управление по делам печати и изданий должно было провести перерегистрацию всех газет и периодических изданий. Кроме того, он предполагал ужесточение правил деятельности издательств и принятие санкций против их нарушителей. В одной только провинции Гуанси к началу весны 1987 г., под предлогом «урегулирования и перерегистрации» прекратили свою деятельность 39 изданий [Там же. С. 238]. Однако несмотря на принимаемые меры, нелегальная продукция продолжала выпускаться. Как видно, меры, направленные на то, чтобы сдержать рост нелегальной и «нездоровой» продукции, не достигли своего результата. Однако они предоставили шанс органам пропаганды вернуть под свою опеку вышедшую из-под их контроля ситуацию в литературе.

Самые крутые перемены в развитии китайской литературы произошли после событий на площади Тяньаньмэнь в мае – июне 1989 г. В литературной среде начались чистки среди тех, кто был замечен среди участников демократического движения. Многих писателей не выпускали за границу для участия в различных международных конференциях, их книги были занесены в черные списки или сняты с продажи. Среди них были писатели Ван Мэн, Чжэн И, Бай Хуа, Кэ Юньлу, публицисты Жэнь Ванди и Ван Жован, сценарист Ван Лусян, критик Лю Сяобо, историк Бао Цзунсинь и многие другие. Некоторым известным писателям пришлось покинуть страну. Так, литературовед Лю Цайфу (бывший директор Института литературы АОН КНР), публицист Лю Биньянь, критик Ли До, писатели А Чэн, Лао Гуй, Дай Хоуин, писательница Чжан Цзе оказались в США. В Новую Зеландию уехали поэты Ян Лян и Гу Чэн, а Ма Цзян – в Сянган.

В результате на место прогрессивных писателей и литературных деятелей пришли радикальные маоисты и армейские писатели. Так, литература, которая сложилась за прошедшие 10 лет реформ и которую до событий на Тяньаньмэнь власти характеризовали как «наглядное проявление расцвета культуры в Китае», превратилась в «дьявольское орудие распространения западного влияния», а сами писатели и их читатели были отнесены к «попавшим в ловушку модернизма, психоанализа, экзистенциализма и других сомнительных веяний» [8. С. 84]. Таким образом, литературная жизнь постепенно возвращалась к начальному этапу реформ, когда проблемы творчества требовали политического решения. В начале 1990-х гг. проявились специфические трудности дальнейшего развития китайской литературы. Из-за сложностей, связанных с кон-

курением на рынке, уровень жизни писателей стал снижаться, они явно проигрывали литераторам Тайваня и Гонконга в борьбе за китайского читателя.

В печати вновь была поднята проблема «социалистической культуры с китайской спецификой», отличительные признаки которой сводились к известным лозунгам «пусть расцветают сто цветов» и что литература и искусство должны «служить народу, служить социализму». То есть главным в литературе признавались не поиск и применение форм национальной китайской литературы, а умение сочетать теорию марксизма с китайской действительностью.

В 1992 г. новым явлением, впервые возникшим в китайской литературе, стала тема жизни китайцев за рубежом. Широкий рыночный успех у аудитории получили такие произведения, как «Китайка на Манхэттэне» писательницы Кэ Янь (тираж составил свыше 500 тыс. экземпляров), «Шанхаец в Токио» писателя Фань Сянда. В этих произведениях авторы отнюдь не стремились приукрасить действительность за границей. Китайские литераторы не обошли вниманием и своего ближайшего соседа – Россию. В связи с развитием приграничной торговли между российскими и китайскими городами китайские писатели попытались отразить в своих работах новые для двух стран явления. Например, в очерках Хоу Сюфэня «Благовещенские сбытчики» и Пэн Цзяньмина «Простой китаец в России» описывалась жизнь китайских коммерсантов в России. Теме «китайцы за границей» удалось вызвать читательский спрос. На этой волне возникло отдельное литературное направление – творчество обучающихся за рубежом китайских студентов, писавших о своей жизни вне китайского общества и китайской культуры.

В условиях культурного рынка и тематического многообразия особое место в литературоведческой среде занимало обсуждение проблемы постмодернизма и неореализма. Так, исследователь Хуан Личжи считал, что вследствие появления в Китае постмодернистской потребительской культуры возникла «литература потребления», ее основными чертами он называл «отсутствие углубленности, рассеяние смысла и утрату индивидуальности» [9. С. 43–53]. К постмодернистской литературе китайские критики причисляли творчество таких писателей, как Юй Хуа, Ма Юань, Гэ Фэй и т.д.

К особенностям неореализма в китайской литературе критика относила те произведения, в которых большее внимание уделялось не воспитательной стороне сюжета, а их занимательности, яркому изложению, отсутствию готовых оценок автора. Если одни критики отмечали, что, углубляясь в повседневную жизнь обычного человека «из низов», представители неореализма передавали ценность человеческой жизни, то другие считали, что этих авторов характеризует «приземленность» и желание сделать акцент на темных сторонах действительности. Одним из ярких писателей-неореалистов считается Су Тун. В этот период «социально-проблемная» проза довольно активно развивалась в жанре рассказа и повести. Примером может послужить повесть Чжан Синь «Эпоха наживы». В ней рассказывается, как представители творческой интеллигенции пытаются найти свое место в условиях рыночных отношений, как они безуспешно пробуют примерить на себя роль бизнесменов.

Кардинальные политические и экономические перемены не могли не влиять на изменения в обществе, и особенно на углубление противоречий между потребностями одного поколения и желаниями другого. Этот процесс ярко описал Юй Хуа в своем рассказе «Их сын». Автор рассказывает о семье, где пожилые родители – небогатые люди, которые проработали всю жизнь, привыкли экономить на всем, отказывать себе в простых радостях. В то же время их сын – студент университета, живет в свое удовольствие и ездит домой на такси (в противовоставление этой ситуации Юй Хуа ярко описывает переполненные автобусы, на которых каждый день ездят старики). Этот короткий рассказ обнажил разрыв между поколениями, обиду и разочарование в прожитой жизни старшего поколения и стремление добиться лучшей жизни младшим поколением.

В конце 90-х гг. литературная жизнь КНР стала регулироваться жесткими рыночными реалиями. Произошло четкое разделение литературы на коммерческую и некоммерческую. После того как в начале 1999 г. был опубликован эротический роман Чжоу Вэйхуэй «Крошка из Шанхая», стало ясно, что китайская литература стала все более определяться запросами общества потребления. Этот роман произвел сенсацию в Китае. После перевода на английский язык он был причислен к международным бестселлерам. Однако в КНР его запретили за «декадентство и раболепие перед западной культурой». Несмотря на это, в Китае успели продать 110 тыс. экземпляров книг [10]. Одновременно с этим романом в Китае был так же запрещен роман Мянэ Мянэ «Конфетка» за ярко выраженное сексуальное содержание. Таким образом, хотя древняя закрытая традиция китайской эротической литературы в условиях массовой культуры превратилась в вульгарную, сексуальную литературную продукцию, она, однако, крайне популярна и гарантирует успех на рынке.

В первое десятилетие XXI в. ситуация продолжала сохраняться. Характеризуя положение в современной литературе, известный поэт и прозаик Хань Дун в своем выступлении в Эдинбургском университете (2009 г.) говорил о расколе в литературном мире КНР [11]. Не называя имен, он говорил о тех писателях, кто старается улавливать рыночные тенденции и выдавать бестселлеры, которые удовлетворяют потребности читателей в эмоциональной разрядке. Большинство их читателей – молодежь, но книги эти не просто плохо написаны – это пошлость. Он также выделил группу писателей, которые пишут для контролируемой КПК «системы». С официальной поддержкой они преуспели даже в условиях рынка. В то же время писатель считал, что как бы ни был вреден для литературы переход к рынку, у него есть и положительная сторона – только рынок достаточно силен, чтобы противостоять системе. И только небольшую группу писателей Хань Дун считал «надеждой» китайской литературы, которые спокойно занимаются своим делом «сами по себе», даже если о них мало кто знает. Многие литературные деятели и критики обеспокоены тем, что на Западе появился своеобразный брэнд – «Запрещено в Китае». Часть молодых авторов в своем творчестве начала следовать формуле, «если запрещено в Китае, значит, популярно на Западе». Агентство «Рейтер» приводит сло-

ва Чэнь Цзяньгуна, заместителя председателя Союза китайских писателей: «На Западе людей привлекают книги, которые запрещены в Китае, даже если литературный уровень этих произведений оставляет желать лучшего». Он также сетовал на то, что иногда в угоду иностранцам китайские авторы пишут так, чтобы их книги произвели шок и чтобы их запретили на родине [12].

Например, в 2008 г. в электронной версии газеты «Нью-Йорк таймс» был опубликован материал «Популярная литература в Китае», в котором Го Цзинмин был назван самым успешным китайским писателем¹. Го Цзинмин, молодой писатель (1983 г.р.) – поп-идол китайской молодежи, пишущий о душевных терзаниях подростков и их образе жизни в современном городе. Он прославился не только своим творчеством, но и экстравагантным поведением. Например, мог шокировать публику, одевшись трансвеститом или выложив свои фотографии в полуобнаженном виде в своем блоге в Интернете. Его первый роман «Город грез» (2002 г.) разошелся тиражом 1,5 млн экземпляров. По словам автора, книга должна быть интересна «одинокому поколению китайских детей, выросших без братьев и сестер». Второй роман о жизни столичных студентов «Знаешь, сколько опало во сне лепестков...» (2003) вышел, по разным данным, тиражом от 300 до 600 тыс. экземпляров. Хотя выход книги сопровождался скандалом, связанным с плагиатом², автор не потерял своей популярности среди молодежи. В романе «Река печали» (2007 г.) он описывает историю о беременной студентке, которая была отвергнута обществом и покончила жизнь самоубийством.

Несмотря на то что иногда его произведения называют «конвейерной писаниной», в них все же отражаются проблемы современной китайской молодежи. Герои его романов – «маленькие императоры», так называют в Китае детей, выросших единственными в семье. Они готовы легко отказаться от духовности в пользу материальных ценностей. У писателя материализм, присущий молодому поколению, побеждает идеализм. Тема романа «Детская пора» – деньги, ради которых предается любовь. Когда Го Цзинмина спросили о любви в его собственной жизни, он ответил: «На это нет времени. Главное для меня – карьера» [13]. Хотя Го Цзинмин является признанным кумиром молодежи, однако есть люди, которые считают его идиолом индустрии развлечений, а не писателем.

Молодым писателям кажется, что удачно выбранный стиль написания, а именно скандальность и эпатажность, могут привлечь внимание к произведению не только в Китае, но и за рубежом. Но власти обеспокоены тем, что это совсем не те авторы, в популяризации произведений которых заинтересован Китай – страна, которая стремится показать себя как быстро развивающаяся, современная, культурная держава с благоприятными условиями. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для общественности вопросы цензуры китайской литературы по-прежнему актуальны. Она, с одной стороны, помогает китайским авторам получить признание на Западе ввиду запрета на родине. Однако, с другой стороны, она мешает писателям поставить перед китайским читателем проблемы современности,

открыто выразить свои взгляды на политические и социальные процессы, проходящие в своей стране.

На этом фоне ярко выделяется роман Цзян Жуна «Волчий тотем» (существует перевод «Тотем волка»), опубликованный в 2004 г. и быстро ставший популярным на Западе. Произведение подверглось официальной критике, его автора называли «либералом», «контрреволюционером», «предателем» и даже «фашистом». Власти были недовольны скрытым призывом Цзян Жуна к политической реформе, тем, что автор критически подошел к истории китайской цивилизации, охватив все ее периоды с древнейших династий до современных реформ. Углубляясь в историю страны, Цзян Жун приходит к мысли о том, что развитие Китая строится на противостоянии между оседлым населением – как их называет автор, «овцами» – и кочевниками – «волками», к которым он относит монголов. В качестве примера он приводит историю династии Тан, величие которой определялось равновесием между «волчьим» и «овечьим» началами, и династию Сун, где преобладали «овцы», которые за счет развития сельского хозяйства накопили несметные богатства, но пали под натиском чжурчженской династии Цзинь [14].

Книга состоит из отдельных рассказов, объединенных общей темой, описывающей жизнь кочевников – скотоводов монгольской степи, имеющих глубокую связь с культом волка. В книге описываются события времен «культурной революции», когда группу городской молодежи отправили во Внутреннюю Монголию на «перевоспитание». Сюжет романа включает рассказ о молодом парне Чэнь Чжэне из Пекина, которого послали в монгольскую глубинку для работы пастухом. Там он влюбился в степную жизнь, пришел в восторг от волков, их смелого духа независимости и свободы. Скотоводов-монголов писатель часто наделяет «духом волка», им свойствен бойцовский характер, который они смогли перенять от волков, столь необходимый им для суровой жизни в степи. Тогда как китайцев он обвиняет в «овечьем» поведении. В интервью писателю Джастину Хиллу Цзян Жун объясняет: «У овцы отсутствует творческий подход и нет чувства свободы. В отличие от прямо противоположного духа индивидуальности и свободолюбия волка. Из-за того, что в Китае нет демократии, а китайцы остаются «овцами», мы подверглись жестокому страданию и потерям в таких исторических эпизодах, как «культурная революция». Китайцам необходимо больше развивать в себе дух волка» [15].

Вместе с тем в романе поднимается тема ухудшения экологии, сравниваются отношение монголов к дикой природе, их любовь и преклонение перед ней и «прагматизм» китайских переселенцев, которые не ценят природу, ее красоту, нарушают экологическое равновесие, истребляя животных монгольских степей и губя степные пастбища. Автор возмущен тем, что тысячелетиями существовавшая экосистема была с легкостью уничтожена в течение всего одного десятилетия. Он пишет о том, что экологическая угроза нависла над всем миром и все страны должны сотрудничать в этом вопросе. Он называл свою книгу «уроком всему миру» [15].

Поскольку китайские писатели все же хотят писать для читателя, который находится внутри их страны, они вынуждены в скрытой форме доносить до него волнующие его вопросы, затушевывать «неудобные» для властей темы. Хотя система цензуры сейчас жесткая не в такой степени, чтобы их книги исчезли с полок магазинов и не дошли до широкой аудитории, авторы хотят получить одобрение властей. Так поступил Ван Ган, написавший роман-бестселлер «Инглиш» о временах «культурной революции» в Синьцзяне. Полубиографический роман получил премию за лучший роман 2005 г. от издательства «Жэньминь вэньсюэ» и был переведен на английский язык. Автор описывает жизнь подростка, живущего в г. Урумчи, но мечтающего о больших городах, таких как Пекин и Шанхай. Он восхищается таким не похожим на всех учителем английского языка и изучает этот «волшебный» язык. К тому же мальчик, ханец по национальности, любит девушку «эрчжуанцзы»³.

Иногда автора упрекают в том, что он не отразил некоторые характерные черты этого района Китая, связанные с жизнью национальных меньшинств – уйгуров и других тюркоязычных жителей Урумчи. Однако Ван Ганн, выступая на презентации английского издания этой книги, сказал, что сожалеет о том, что из-за цензуры не стал упоминать в ней о некоторых вещах, например, что «учитель английского языка в романе – миссионер» или «об этнических проблемах в Синьцзяне». Все же в романе довольно откровенно описан период «культурной революции». Свою «смелость» Ван Ган объясняет тем, что «чиновники больше не читают. Поэтому у книги и появилась возможность выйти в свет» [12].

Конечно, как и в других сферах развития современного Китая, в литературной сфере законы рынка берут свое. В результате в КНР теперь публикуются произведения, которые раньше запрещались ввиду своей «неправильности». В их числе книги Цзя Пинва, Мо Яня, Янь Лянкэ и др. Широкое распространение Интернет-литературы помогает молодым авторам заявлять о себе. Кроме того, власти начинают прилагать усилия по распространению китайской литературы за рубежом, участвуют в международных книжных выставках-ярмарках и предоставляют гранты на переводы. Один из таких примеров – создание журнала «Pathlight», версии «Жэньминь вэньсюэ» («Народная литература») на английском языке.

Таким образом, можно констатировать, что до начала реформ литература существовала в условиях «догматической культуры», подчиняясь административно-командным установкам. Утилитарная функция литературы была направлена на решение текущих идеологических задач, вследствие чего произошла ее примитивизация. Целью тогдашней политики КПК была унификация различных направлений в культурной сфере, чтобы создать в КНР общую «социальную культуру». В произведениях не должны были присутствовать личностные, психологические элементы – они должны были быть подчинены общей официальной догме. С началом реформ (1978 г.) политика КПК в сфере литературы была переориентирована в сторону рынка и открытости внешнему миру. Это привело к частичной деполитизации культуры, к снижению роли идеологических установок. Произошел перелом в отношениях между государством и создателем культурного продукта. Художник получил определенную свободу творчества и общественный авторитет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹China's Pop Fiction [Electronic resource] // The New York Times. Electron. data. New York, 2008. NY. URL: <http://www.nytimes.com/2008/05/04/books/review/King-t.html?scp=1&sq=aeventurina&st=nyt> (access date: 22.10.2010).

²Го Цзинмин был признан виновным в нарушении авторских прав пекинской писательницы Чжуан Юй.

³Так в Синьцзяне называют детей от смешанных браков между ханцами и уйгурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делюсин Л.П. Китай в поисках путей развития. М., 2004.
2. Гуаньюй чанпинь сяошо «Жэнь а, жэнь!» дэ таолунь (Обсуждение романа «О человек, человек!») // Юйвэнь цзясюэ юй яньцзю. 1982. № 9. Электрон. журнал «Уси». Электрон. дан. Пекин, 2010. URL: <http://www.wuxizazhi.cnki.net/Article/YWJY198209027.html> (дата обращения: 27.09.2013)
3. Гуаньмин жибао. 1986. 6 марта.
4. Сорокин В.Ф. Литература // Китайская Народная Республика в 1986 году. Политика, экономика, идеология. М., 1989.
5. Жэньминь жибао. 1984. 30 дек.
6. Howard Goldblatt. Mo Yan (1955–) Life and Death Are Wearing Me Out (2006) // The University of Oklahoma. Electron. data. URL: <http://www.ou.edu/uschina/newman/Goldblatt.MoYanNominationStatement.Eng.pdf> (access date: 22.05.2012).
7. Shell O. Discos and democracy: China in the throes of reform. New York, 1989. P. 108.
8. Котова Р.И. Политический климат и культура Китая на рубеже 90-х годов // От закрытого общества к открытому миру : сб. обзоров / сост., отв. ред. Я.М. Бергер. М., 1995. С. 129–131.
9. Вэньсюэпиндунь. Пекин, 1993. № 4.
10. Вэй Хой. «Крошка из Шанхая»: гедонизм нового поколения : Интернет-издание «Magazeta». URL: http://www.magazeta.com/chinese_books/2011/09/05/weihui/ (дата обращения: 16.10.2012).
11. Han Dong. New Words, New Roads: Chinese literature in the world // Paper Republic: Chinese Literature in Translation. Electron. data. 2009. URL: <http://www.paper-republic.org/authors/han-dong/> (access date: 18.04.2013/)
12. Ben Blanchard. Chinese writers fail to find global voice : Thomson Reuters. Electron. data. New York, 2009. N.Y. URL: <http://www.uk.reuters.com/article/2009/04/23/uk-china-literature-idUKTRE53M06620090423?sp=true>(access date: 08.11.2013)
13. Louisa Lim. A pop idol writer for China's New Generation / NPR. Electron. data. Washington, 2009. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=104569352> (access date: 17. 02.2011).
14. Eric Abrahamsen. Wolf at the door // Paper Republic: Chinese Literature in Translation. Electron. data. 2007. URL: <http://www.paper-republic.org/ericabrahamsen/wolf-at-the-door/> (access date: 17. 02.2013).
15. Jiang Rong: The hour of the wolf // The Endependent. Electron. data. London, 2008. URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/jiang-rong-the-hour-of-the-wolf-798697.html> (access date: 21.03.2012).

MODERN CHINESE LITERATURE AS A REFLECTION OF SOCIAL PROCESSES IN THE PRC

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 126-132. DOI: 10.17223/15617793/383/19

Turusheva Natalya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nv2rusheva@mail.ru

Keywords: "scar literature"; "literature of searching for roots"; "literature of reforms"; cultural market; commercialization; CPC.

In the late 1970s – early 1980s the "scar literature" or the "literature of the wounded" appeared in the PRC, in which an evaluation of the Cultural Revolution took place. The literature of searching for roots" and the "new village prose" appeared. The word "roots" (*ben*) symbolized national cultural traditions. In the 1980s the "literature of reforms" was the main topic in the creation of the Chinese writers. Most authors handled "agitation" for the reforms. But some progressive writers (Wang Meng, Mo Yan and others) attempted to express the changes taking place in the minds of people, tried to trace the connection between the past and present. They tried to understand how the social and psychological atmosphere in China affected human nature and psychology. Mo Yan's *Red Sorghum* became a breakthrough in the Chinese literature of the 1980s. After the events in Tiananmen Square in 1989 there were radical changes in the development of Chinese literature. Many authors who were accused of participating in the democratic movement were blacklisted. Their books were withdrawn from sale. As a result, radical Maoists and army writers substituted the progressive writers and literary figures. So literature activity began to depend on the political decisions. In the 1990s Chinese literary life was regulated by hard market realities. There was a clear division of literature into commercial and non-commercial. In the first decade of the twenty-first century many Chinese critics were concerned that a peculiar brand – "It is forbidden in China" – appeared in the West. Many young authors began to think that forbidden in China means popular in the West. We can see that the issue of censorship of Chinese literature is still relevant for the public. On the one hand, it helps the Chinese authors to gain recognition in the West. On the other hand, it prevents the writers to openly express their views on the political and social processes taking place in their country. For example, Jiang Rong's novel *Wolf Totem* (2004) quickly became popular in the West. But in China, the novel was subjected to official criticism. He was called a "liberal", "counter-revolutionary", "traitor" and even "fascist". The authorities were dissatisfied with the hidden appeal of Jiang Rong to political reform and with the author's critical approach to the history of Chinese civilization, from the ancient dynasties to the modern reforms. Thus, we see that in the pre-reform period literature existed in the conditions of "dogmatic culture" and was submitted to the administrative-command settings. Then after the beginning of the reforms (1978) the policy in the field of literature was reoriented towards the market and openness to the outside world. This led to a partial depoliticisation of culture and a decrease of the role of the ideological attitudes. There was a change in the relations between the state and the creator of the cultural product. The artist received certain freedom of creativity and social authority.

REFERENCES

1. Delyusin L. P. *Kitay v poiskakh putey razvitiya* [China in the quest for development]. Moscow, 2004.
2. Guan'yuy chanpyan' syaoshu "Zhen' a, zhen'!" de taolun'. *Yuyven' tszyaosyue yuy yan'tszyu*, 1982, no. 9 Available at: <http://wuxizazhi.cnki.net/Article/YWJY198209027.html>. (Accessed: 27th September 2013). (In Chinese).
3. *Guan'min zhibao*, March 06, 1986.
4. Sorokin V. F. *Literatura* [Literature]. In: *Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1986 godu. Politika, ekonomika, ideologiya* [People's Republic of China in 1986. Politics, economy, ideology]. Moscow, 1989.
5. *People's Daily*, December 30, 1984.
6. Goldblatt H. *Mo Yan (1955-) Life and Death Are Wearing Me Out*, 2006. Available at: <http://www.ou.edu/uschina/newman/Goldblatt.MoYanNominationStatement.Eng.pdf>. (Accessed: 22nd May 2012).
7. Shell O. *Discos and democracy: China in the throes of reform*. New York, 1989.
8. Kotova R.I. *Politicheskii klimat i kul'tura Kitaya na rubezhe 90-kh godov* [Political climate and culture of China at the turn of the 90s]. In: Berger Ya.M. (ed.) *Ot zakrytogo obshchestva k otkrytomu miru* [From a closed society to an open world]. Moscow, 1995, pp. 129-131.
9. *Ven'syuepinlun'*. Beijing, 1993, no. 4. (In Chinese).
10. Wei Hui "Kroshka iz Shankhaya": *gedonizm novogo pokoleniya* [Shanghai Baby: a new generation of hedonism]. Available at: http://magazeta.com/chinese_books/2011/09/05/weihui/. (Accessed: 16th October 2012).
11. Han Dong. *New Words, New Roads: Chinese literature in the world*. Paper Republic: Chinese Literature in Translation, 2009. Available at: <http://paper-republic.org/authors/han-dong/>. (Accessed: 18th April 2013).
12. Blanchard B. *Chinese writers fail to find global voice*. New York: Thomson Reuters, 2009. Available at: <http://uk.reuters.com/article/2009/04/23/uk-china-literature-idUKTRE53M06620090423?sp=true>. (Accessed: 08th November 2013).
13. Lim L. *A pop idol writer for China's New Generation*. Washington, 2009. Available at: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=104569352>. (Accessed: 17th February 2011).
14. Abrahamsen Er. *Wolf at the door*. Paper Republic: Chinese Literature in Translation, 2007. Available at: <http://paper-republic.org/ericabrahamsen/wolf-at-the-door/>. (Accessed: 17th February 2013).
15. Jiang Rong. *The hour of the wolf*. London, 2008. Available at: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/jiang-rong-the-hour-of-the-wolf-798697.html>. (Accessed: 21st March 2012).

Received: April 05, 2014